

Жанр академической лекции в лингвистическом аспекте

Гариян Алеся Анатольевна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Жанр академической лекции представляет огромный интерес для исследования. В настоящее время еще недостаточно изучены основные особенности, присущие данному жанру научной прозы. Требуют уточнения критерии выделения того или иного жанра, необходимо изучение типологии текстов в рамках данного жанра.

Наиболее общее определение научного жанра предложено В. Барнетом: «Под жанром понимается речевое произведение, обладающее устойчивыми, повторяющимися сущностными (содержательными) и формальными признаками» [Барнет: 96]. При формулировании этого определения исследователь опирается на мысли М.М. Бахтина, который выделял три основных признака жанра: тематическое содержание, стиль и композиционное построение [Бахтин: 237].

Е.А. Клейменкова рассматривает жанр «как стандартизированный отбор и организацию внеязыковых фактов и языковых средств в целый текст», как «исторически (и продолжающий постоянно модифицироваться во времени) тип текста, характеризующийся определенными, лишь ему присущими, относительно устойчивыми параметрами, представляющий собой конкретное диалектическое единство специфической формы и специфического содержания» [СРУНР: 96].

Предметом рассмотрения данного доклада является жанр академической лекции. В словаре С.И. Ожегова дается следующее определение лекции: «Устное изложение учебного предмета или какой-нибудь темы». С позиций риторики, лекция – жанр академического красноречия, персонифицированный способ приобщения к знанию.

Лекцию можно охарактеризовать с различных позиций, а именно, по содержанию и форме. По содержанию лекция может быть изучена с точки зрения: а) информативности; б) научности; в) актуальности; г) логичности. По форме можно выделить: а) монолог; б) устный характер; в) локализованность в пространстве и времени; г) эстетическую оформленность (наглядность, образность).

Начнем с рассмотрения основных экстралингвистических особенностей лекции как жанра научной прозы. Можно выделить самую главную черту, отличающую ее от других жанров, – устную форму изложения материала. Устное изложение материала – это не просто дополнительный коммуникативный оттенок, а определяющая характеристика данного жанра.

Лекция связана с передачей информации, которая должна быть донесена до аудитории. В этой связи следует говорить о переплетении рациональных и эмоциональных (т.е. субъективно-оценочных) элементов. Это позволит не только сообщить важную информацию, но и привлечь внимание слушателей, вовлечь их в диалог.

Перечисляя остальные характерные особенности лекции, следует обратить внимание на регламентированность во времени. Академическая лекция должна учитывать ограниченное время общения оратора с аудиторией. Предлагая большой объем материала в предельно сжатой форме, этот жанр обеспечивает более эффективный и объемный уровень усвоения научной информации.

Обратимся к лингвистическим особенностям академической лекции. Рассмотрим важнейшие черты лекции на каждом уровне языка: лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Лексический состав академической лекции может быть разделен на три группы:

1) общеупотребительная лексика (сюда входят самые употребительные, самые частые слова данного языка, которые составляют его костяк);

2) общенаучная лексика (слова, при помощи которых можно описать и охарактеризовать явления и процессы в самых разных науках);

3) терминологическая (терминология той или иной конкретной специальной области знания).

На морфологическом уровне для академической лекции характерны следующие черты:

1) широкое употребление форм настоящего времени, которые выступают в отвлеченном вневременном значении (например, «претерпевают изменения; электроны движутся; положение определяется»);

2) насыщенность абстрактными существительными, большая часть из которых представляет понятия движений, процессов, состояний («способность, свойства»);

3) повышенный процент форм среднего рода в качестве наиболее отвлеченного по своему семантико-грамматическому значению по сравнению с мужским и женским родом (в частности, слов среднего рода, выражающих абстрактные понятия);

4) относительная активность причастий (краткие страдательные причастия акцентируют видовое значение результативности, нейтрализуя значение процессуальности);

5) высокая степень употребления лекторского местоимения «мы», которое вовлекает слушателей в акт коммуникации, позволяет включить аудиторию в ход рассуждений. Это так называемое «мы» вовлечения в акт коммуникации;

6) использование страдательного залога при описании исследований и достигнутых результатов. Основная задача лектора – выделить предмет изложения, подчеркнуть его значимость.

Одной из специфических черт академической лекции является подчеркнутая логичность, выражающаяся на синтаксическом уровне. Можно выделить следующие характерные черты:

1) частое использование вводных слов и конструкций, выражающих отношение между частями высказывания (например, «ясно», «таким образом»);

2) преобладание сложных предложений над простыми;

3) широкое использование причастных и деепричастных оборотов.

Все вышесказанное позволяет заключить, что академическая лекция представляет собой устный научный жанр, который характеризуется отличными от остальных экстралингвистическими и лингвистическими чертами.

Литература

Барнет В. Проблема изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. М., 1974.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2007.

Современная русская устная научная речь. Т.1. Красноярск, 1985.

Модальные слова как модификаторы семантики высказывания

Деветьярова Оксана Игоревна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Изучению модальных слов с лингвистической точки зрения на сегодняшний момент уделяется довольно большое внимание. Однако при этом совсем мало работ посвящено исследованию данных языковых единиц в качестве одного из средств присоединения аудитории к точке зрения оратора. А ведь манипулятивная роль модальных слов признается многими специалистами в области риторики, теории

дискурса и языкового манипулирования: подобная модификация семантики в потоке речи выявляется с трудом. Данная работа посвящена систематизации изменений, вносимых в высказывание модальными словами.

В качестве основы классификации был выбран метод, разработанный «группой Мю» в работе «Общая риторика». Лжецы признавали основной ошибкой традиционной риторики то, что огромные усилия затрачиваются на «классификацию бесчисленных риторических видов» [Дюбуа: 232], список которых, как известно, является открытым. (Схожая ситуация наблюдается и в изучении модальных слов: корпус научных трудов на эту тему представляет собой описания отдельных явлений.) Основной целью «группа Мю» провозгласила «определение фундаментальных операций, частными случаями которых являются фигуры и тропы» [Дюбуа: 232]. Для этого ученые обратились к перечню основных преобразований объекта (сокращение, добавление, сокращение с добавлением и перестановка) и сделали вывод, что каждая конкретная фигура или троп возникает в результате применения одной или нескольких таких операций, проведенных на одном из уровней языка.

Данный подход к выявлению фундаментальных механизмов применим к модальным словам, прежде всего потому, что по типу модификации семантики они во многом совпадают с тропами и фигурами речи. Так, при преобразовании, названном авторами металогизмом, отклонение можно обнаружить, лишь учитывая экстралингвистический контекст. Например, в выражении «Маленькое чудовище!», сказанном матерью, в зависимости от того, является сын чудовищем или нет, фигура может либо возникать, либо исчезать [Дюбуа: 253]. То же самое мы наблюдаем и в модификации высказывания при помощи модальных слов. К примеру, во фразе «снегопад длится уже два дня» модальную частицу «уже» можно толковать как эксплицирование мнения автора о том, что два дня – это много. Но это лишь при условии, что двухдневный снегопад действительно является выходящим за рамки нормы событием. В противном же случае мы сталкиваемся с ситуацией, характерной больше для фигур речи и тропов, ведь к «типичным ситуациям их «порождения» относится любое употребление данного языкового элемента в непервичной функции» [Топоров: 542]. Таким образом, в случае несоответствия экстралингвистической ситуации и конечного смысла высказывания, зависящего от модального слова, данное слово можно считать фигурой речи.

Кроме того, с точки зрения механизма модификации семантики высказывания, очевидным становится полное сходство модальных слов с некоторыми тропами. Так, в литоте «речь идет о сокращении сем» [Дюбуа: 243], и в результате «говорят о меньшем, чтобы сказать о большем» [Дюбуа: 242]. Ту же ситуацию мы наблюдаем при использовании вводных слов, указывающих на степень достоверности сообщаемого. Приведем пример.

На улице Фестивальной Ирина, видимо, уже не живет (21.03.2009, «Время»).

В данном высказывании происходит сокращение семы «уверенность в правдивости сообщаемого». В результате автор вроде и уменьшает степень вероятности того, что Ирина не живет по данному адресу, однако получатель информации усваивает именно эксплицируемые сведения. Получается, что репортер действительно «говорит о меньшем, чтобы сказать о большем», а значит, в данном контексте модальное слово «уже» сопоставимо с литотой.

Для того чтобы исследовать базовые механизмы модификации семантики высказывания при помощи модальных слов, мы взяли репортажи информационных программ «Время» и «Сегодня», посвященные одной теме, и выписали все высказывания, содержащие интересующие нас языковые единицы. Затем, применяя подход, сформулированный Ж. Дюбуа, мы выявляли тип преобразования смысла сообщения при помощи определенного модального слова, указывали семы, над

которыми проводились данные операции, и соотносили каждый случай с тропом и фигурой речи, совпадающими по всем свойствам с данным модальным словом. Ниже представлена сводная таблица всех выявленных типов преобразования.

Механизм модификации	Модальные слова	Троп / фигура речи
Базовая модификация: Добавление		
Добавление семы интенсивности	прямо, уже, обе, наконец, все еще, снова, почти, вот уже, еще, опять, более того, и так уже, ни больше ни меньше, действительно, вовсе не, причем	Гипербола
Добавление семы информативной значимости	вот, и вот, кстати, именно, главное, оказывается, только, почему-то, впрочем, же, вообще, а теперь вот, ну, наконец, прежде всего	Эмфаза
Добавление противопоставления ожидаемое/действительное	даже, все-таки, так и, и то	Антитеза
Добавление противопоставления прошлое/настоящее	уже	Антитеза
Базовая модификация: Сокращение		
Сокращение семы степени достоверности	не исключено, видимо, похоже, возможно, пока, скорее всего, вероятнее всего, почти, если конечно не, все еще, только, вряд ли, якобы, существует мнение, по меньшей мере еще, действительно, около, казалось, по мнению, дескать, может, кажется, правда	Литота
Базовая модификация: Сокращение с добавлением		
Замена буквальной семы на инвариантную	так называемый	Эвфемизм

Таким образом, механизмы модификации семантики при помощи модальных слов можно условно обозначить при помощи тропов и фигур речи, с которыми модальные слова сближаются по функциям в высказывании, а именно: гиперболы, эмфазы, антитезы, литоты и эвфемизмы. При этом данные механизмы сводятся к трем базовым операциям преобразования объекта: добавлению, сокращению и сокращению с добавлением.

Литература

Дюбуа Ж. Общая риторика. М., 1986.

Топоров В.Н. Фигуры речи // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998.

Трансформация гендерных стереотипов в русской и украинской языковых картинах мира

Дмитренко София Александровна

*Студентка Киевского национального университета им. Т. Шевченко,
Киев, Украина*

В последнее время лингвистические науки приобретают антропоцентрический характер, поэтому возросла значимость индивидуальных параметров, в том числе и половой идентификации человека. На первый план вышло понятие гендерной

характеристики человека, репрезентации его в соответствии с этим параметром в коллективном сознании этноса.

Гендерная лингвистика активно развивается со второй половины XX в. "Именно в этот период в российской научной литературе появился термин "гендер", и отечественному читателю стали доступны зарубежные теоретические труды по гендерной проблематике" [Кирилина, Томская]. Термин "гендер" используется для определения не биологического, а социокультурного пола человека. Среди известных ученых, занимающихся исследованием вопросов гендерной лингвистики, можно выделить следующих: А. Кирилина, И. Клецина, А. Холод, Е. Горошко, О. Рябов, И. Халеева, О. Воронина, Н. Абубикирова, В. Ефремов и др.

Актуальность исследования вызвана повышенным вниманием современной лингвистики к гендерным составляющим языковой картины мира (ЯКМ).

Более того, особенного внимания заслуживают гендерные стереотипы, которые "представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке" [Кирилина 1999: 75]. Гендерные стереотипы в сознании коллективного субъекта исполняют роль программы: каждому из полов в конкретной культуре приписываются определенные нормы и правила, которые регламентируют поведение человека в обществе. Лучшее средство для выражения таких канонов – язык. Анализ языкового материала способствует определению частотных стереотипов, принципов их функционирования.

Качественно новым в нашем исследовании является попытка проследить основные закономерности трансформации гендерных стереотипов в ЯКМ родственных народов (русского и украинского).

Материалом для исследования послужили в основном малые фольклорные жанры (поговорки, пословицы). Динамику гендерных стереотипов лучше всего можно проследить, сравнив данные источников народного творчества с данными ассоциативных словарей, где наиболее полно представлено современное отношение общества к гендерным концептам "мужчина" - "женщина". К тому же именно такие лексикографические источники дают разноплановую характеристику исследованным понятиям. Следовательно, возрастание роли гендерных стереотипов и других гендерно маркированных элементов человеческого сознания определяет повышенное внимание и необходимость изучения ЯКМ в гендерном аспекте.

Целью работы стало сопоставление вербальных средств отображения гендерных стереотипов в ЯКМ русского и украинского народов, выявление динамики этой лексической составляющей гендерных стереотипов, определение этнолингвистической составляющей концептосферы "мужчина" - "женщина".

В ходе исследования применялись методы контекстуального, интерпретационного, концептуального и сравнительного анализа паремий русского и украинского фольклора, компаративного анализа средств вербализации гендерных стереотипов в обоих языках и метод семантических трансформаций.

Наше исследование дает возможность проиллюстрировать взаимодействие социокультурных факторов развития общества и интралингвальных факторов развития языка, так как оно направлено на экспликацию гендерных стереотипов в национальных ЯКМ двух соседних народов и выявление изменений лексических средств для выражения этих гендерных стереотипов.

В результате анализа паремий народов одной языковой группы было установлено, что в украинской ЯКМ гораздо больше номинаций женщины с позитивной оценкой, а именно как красивой женщины, нежной, заботливой матери, хорошей жены. Что касается русской ЯКМ, то для характеристики женщины используются лексемы с экспрессивно-негативной окраской. Большая часть фольклорных единиц указывает на

женскую глупость, непостоянство, плохой характер, болтливость. В общем, в русских пословицах и поговорках наблюдается негативное отношение к женщине. В украинском фольклоре единиц с такой же четкой отрицательной оценкой гораздо меньше; внимание чаще обращается на внешность, а номинации не столь экспрессивно окрашенные.

Анализ материалов ассоциативных словарей показал, что в современной русской ЯКМ сместилась парадигма номинаций "женщины": почти отсутствуют негативные номинации, больше внимания уделяется внешности. Что касается статуса женщины в украинской ЯКМ, то тут женщина представлена в первую очередь как мать, хозяйка. Среди респондентов-мужчин выделены и негативные оценки. Поэтому можем говорить о динамике языковых средств для обозначения концепта "женщина" в двух национальных ЯКМ.

Позитивный маскулинный образ (как отца, хозяина и мужа) ярче выражен в украинских паремиях, но не исключены и негативные номинации, говорящие о мужской глупости, пристрастии к алкоголю, неверности. Подобные качества приобретает и мужской образ в русской ЯКМ.

Лексикографический материал свидетельствует о смещении акцента при характеристике образа мужчины: в русской ЯКМ больше внимания обращается на внешность, качества как мужа. Не исключены негативные коннотации, касающиеся неверности в браке. В ЯКМ современного украинца, наоборот, на первом месте позитивная характеристика мужчины как спутника жизни, отца и опоры семьи.

Итак, компаративный анализ лексического выражения концептосферы "мужчина"- "женщина" показал, что в украинском языке для характеристики маскулинных/феминных номинаций используются слова с более позитивной окраской. Также установлено, что гендерные стереотипы в современных ЯКМ обоих народов подверглись трансформации, сместился фокус их отображения в сознании представителей каждого этноса.

Литература

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // <http://www.strana-oz.ru/?numid&article=1038.htm>

Соотношение риторических образов риторической прозы в пропагандистской кампании 1941-1945 гг. (на материале публицистики И. Эренбурга)

Истомина Вероника Анатольевна

*Студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Впервые попытку объяснить механизм работы убеждения, компрометации и эффективности речи через внутреннее устройство самого риторического произведения предпринял В.В. Виноградов в работе «О языке художественной прозы». Его идеи получили развитие в монографии А.А. Волкова «Теория риторической аргументации». Настоящее исследование посвящено изучению проблемы эффективности речи с точки зрения её внутреннего устройства, а именно – строения образной системы риторического произведения.

- 1) В риторической прозе выделяются пять типов образов: образ ратора, образ оппонента, образ предмета речи, образ аудитории и образ инстанции аргументации. Минимальный состав риторических образов присутствует в любом риторическом произведении, отношения между образами носят системный характер. Значимым в этой системе является соотношение компрометации и утверждения оппонента.
- 2) Мы предполагаем, что слишком сильная компрометация образа оппонента ведёт за собой негативные с точки зрения эффективности речи последствия для ратора.

Данная гипотеза рассматривается на материале публицистики Ильи Эренбурга периода Великой Отечественной войны.

- 3) Корпус текстов, отобранный в качестве материала, ограничен семью статьями, относящимися к разным периодам Великой Отечественной войны: «6 ноября 1941г.», «О ненависти» (1941г.), «Убей» (1942г.), «14 января 1943г.», «Строптивая Европа» (1944г.), «23 июля 1944г.», «Хватит» (1945г.). В статьях Ильи Эренбурга на протяжении всей пропагандистской кампании 1941-1945 гг., с одной стороны, производилась последовательная компрометация противника – фашистской Германии, с другой – утверждение образа аудитории, формирование единого «мы» – великого народа-победителя. Эти процессы происходили параллельно: в 1941 году, когда необходимо было внушить населению страны необходимость борьбы с захватчиками и показать весь масштаб нависшей над страной угрозы, Эренбург противопоставляет «великому народу», «русскому дому» Германию, «страну, в четыре недели победившую Францию, страну, захватившую десять государств, страну, успешно сражавшуюся в Норвегии и в Ливии» [Симонов, Эренбург 1984: 45]. На 1942 год приходится пик компрометации оппонента; здесь имеет место не только пропаганда, но и агитация (знаменитая статья «Убей!» 1942г.). К 1943 году окончательно формируются образ «фрица», «вора», «тюремщика», Германии как «желудка Европы» – и образ «бойцов-освободителей», «русского сердца», «русской совести», «русского гения». В 1944 году, когда Красная армия переходит к наступлению, линия компрометации не только не меняется, но приводит к полному низложению образа оппонента, можно даже говорить об «утрате» образа оппонента как такового: «десятки дивизий прекратились в десятки тысяч блуждающих солдат, которые уже защищали не тот или иной рубеж, только свою шкуру» [там же: 249]. Об этом свидетельствует и статья «Хватит!» 1945г., где Эренбург делает вывод: «Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности. Капитулируют генералы и фрицы, бургомистры и помощники бургомистров, капитулируют полки и роты, города, улицы, квартиры» [Эренбург 1996: 205] и называет идеологию фашистской Германии «затеей невежественных и кровожадных фашистов покорить мир».
- 4) Чрезмерность компрометации образа оппонента в данном случае бросила тень не только на ратора, но и на источник аргументации. Последовавшая спустя две недели после публикации статьи «Хватит!» статья в газете «Правда» «Товарищ Эренбург упрощает», подписанная начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП/б Г.Александровым, прямо свидетельствует о неуместности риторического пафоса его произведений в сложившейся в 1945 году политической ситуации.
- 5) Анализ строения статей Ильи Эренбурга с точки зрения образной системы его произведений позволил сделать вывод о наличии зависимости между балансом образной системы и соответствием или несоответствием риторическому этосу и пафосу.

Данное исследование подтвердило гипотезу о возможности выделения дополнительного критерия эффективности речи на основании соотношения риторических образов в риторическом произведении.

Литература

- Волков А. А. Теория риторической аргументации. М., 2009.
Симонов К., Эренбург И. В одной газете. М., 1984.
Эренбург И. Собрание сочинений. М., т. 5, стр. 203-212, 1996 г.

Речевая организация китайского общества

Козлова Анастасия Михайловна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Языковая культура Китая весьма сильно отличается от языковой культуры России. Это выражается на многих уровнях, в том числе и в принципах организации терминологической системы. Русские понятия «текст», «язык», «речь», «оратор», «стиль», «риторика» не имеют точных аналогов в китайском языке. Обычно привычное для нас понятие в китайском описывает целый ряд синонимов, а ближайшее соответствие часто несет в себе несколько иной смысл. В нашем исследовании мы осуществили перевод основных терминов и понятий, кратко описали корпус лингвистических дисциплин. В китайских текстах использовались следующие понятия: «*yaп* (слово, язык), *сі* (речь; стиль), *shuo* (говорить, объяснять), *ming* (название, имя, именовать), *bian* (различать, убеждать)» [Xing:3]. В ходе анализа текстов были отмечены следующие закономерности: термины *yaп* и *shuo* используются преимущественно в связи с устной речью, *сі* связан с искусством спора, дискуссией; *bian* обозначает вдумчивый анализ, подробный разбор.

Слово риторика в нашем сознании прочно связано с аргументацией, с попыткой переубедить либо доказать определенную мысль. *Bian* скорее понимается как *возможность* изменить отношение к тому или иному факту, его цель не обязательно переубеждение. Все же риторика в нашем понимании – это искусство убеждения, в то время как в китайском «аналоге» именно социальный аспект является ключевым. Не следует забывать, что греческое *rhetorike* является термином, дающим четкое определение науке и целому ряду сопряженных научных понятий. В то время как из всех терминов китайского языка только один – *сі* – в значении «стиль» - вошел в состав термина «стилистика» *xiu si хуе* (учение о совершенствовании стиля, если мы развернуто переведем каждый иероглиф в данном слове), который мы и сейчас используем при характеристике китайской традиции красноречия.

В ходе нашей работы мы обратились к фундаментальному исследованию по теории китайской публичной речи, созданному в VI в. Лиу Сье - "Резному дракону изящной литературы" (*Wen xin diao long*). В этом произведении была дана подробная классификация жанров словесности, правила создания и исполнения каждого жанра. Также в "Резном драконе изящной литературы" Лиу Сье описал особый, восьмичастный способ построения текстов трактатов, документов и докладов. Этот способ композиционного устройства произведения он назвал - Багу (*ba gu*, по-китайски *ba* – восемь, *gu* - доля, секция, часть). Лиу Сье не дал частям никаких конкретных названий. Тем не менее, впоследствии идеи *Ba gu* широко развивали в своих трудах различные теоретики искусства красноречия. «Восьмичленное эссе» стало особой формой эссе, составляющей обязательную часть экзамена чиновника при вступлении в должность в период с 15 по 19 века. Основными чертами развития *ba gu* в то время были умение «жонглировать словами», излишнее внимание к форме, порою даже в ущерб содержанию. Структурно эссе делилось на восемь частей: *po ti* первоначальное изложение (презентация темы), *cheng ti* расширение мысли, *qi jiang* экспозиция (предварительное толкование), *qi gu* начальные аргументы, *zhong gu* средний (центральный) аргумент, *hou gu* крайние аргументы, *shu gu* заключительные аргументы, *da jie* итог, заключение. За исключением последней части, все семь предыдущих строились по своим особым правилам (основным приёмом был синтаксический и лексический параллелизм).

Также мы проанализировали рассуждения Лиу Сье о структуре текста, порядке слов в предложении, композиции, стилистических особенностях употребления фигур и тропов, музыкальности текста, эмоциях и экспрессии, проблеме подбора слов.

Например, говоря о сравнении и метафоре, Лиу Сье использует большое количество примеров: возможны «сравнения звуков», «сравнения по внешнему облику», «сравнения по вызываемым понятиями чувствам», «сравнение понятий как таковых»; по этим причинам Лиу Сье называет сравнения «насушными ценностями» [Liu]. Следует отметить, что китайская письменная традиция изобилует метафорами и сравнениями. При этом, вслед за Лиу Сье, сравнение, основанное на звуковом или только графическом, а не на семантическом сходстве, китайцы тоже отнесут к понятию «сравнение».

В заключительной части нашего исследования мы обратились к современному учебному пособию по риторике – «Практическое использование языка в стилистике». Проанализировав его функционирование в современном китайском обществе и сопоставив основные понятия и категории, используемые в нем, с аналогичными в «Резном драконе изящной литературы», мы пришли к выводу, что система жанров и речевая организация китайского общества продолжает сохранять свою самобытность на протяжении многих веков, и языковое наследие предков по-настоящему актуально в современном Китае.

Литература

Liu Xie “Wen xin diao long” <http://www.guoxue.com/jibu/wenlun/wenxin/wenxingml.htm>

Xing Lu. Rhetoric in Ancient China, Fifth to Third Century. B.C.E. University of South, Carolina Press, 1998.

Языковая репрезентация гендера в предвыборном дискурсе

Куницына Евгения Витальевна

*Соискатель Ставропольского государственного университета,
Ставрополь, Россия*

Несмотря на тот факт, что многие лингвисты все чаще говорят о неуниверсальности гендерных различий, большинство из них сходятся во мнении, что разные уровни языка в той или иной степени характеризуются дифференциацией в использовании вариантов языковых средств, предпочитаемых полами. Иными словами, в целом, речь носителей языка гендерно маркирована на уровне выбора единиц лексикона, предпочтения тех или иных частей речи, синтаксических структур и стилистических приемов. Особое внимание уделяется проявлению гендерной дифференциации на коммуникативно-прагматическом уровне, когда речь идет о выборе речевых стратегий и тактик в соответствии с поставленной коммуникативной целью.

В тоже время нельзя не учитывать тот факт, что абсолютных маркеров не существует, описываемые тенденции носят скорее относительный характер. Данное предположение объясняет актуальность исследования категории гендера в различных сферах коммуникации, в том числе и политическом дискурсе.

Проследив проявление гендерных различий на материале предвыборных речей кандидатов на пост президента США от демократической партии – Х. Клинтон и Б. Обамы, произнесенные в городе Selma, штат Алабама в канун 42-летней годовщины «кровавого воскресения», мы обратили внимание на тот факт, что речи были произнесены коммуникантами, которые находились в аналогичной коммуникативной ситуации и преследовали аналогичную коммуникативную цель. Более того, оба кандидата имеют одинаковый уровень образования, что позволяет с большой долей вероятности говорить об объективности сравнительного анализа, в котором главным дифференцирующим фактором становится гендерная принадлежность. Таким образом, мы обращаем внимание на характерные индикаторы речевого поведения, свойственные женской и мужской речи в политическом дискурсе.

Несмотря на признание некоторыми лингвистами гендерной маркированности морфологического уровня языка (у женщин отмечается превалирование количественных

существительных, оценочных прилагательных, наречий, глаголов в пассивном залоге, модального глагола *may*; в мужской речи предпочтение отдается абстрактным существительным, глаголам в активном залоге, модальному глаголу *can*, а также количественным числительным), сравнительный анализ не указал на наличие четких гендерных различий на данном уровне. Так, в результате сравнения количественных данных использования основных частей речи, мы пришли к выводу, что их процентное соотношение в речах обоих кандидатов практически равномерно. В области употребления абстрактных существительных можно также говорить о разногласии с устоявшимися представлениями о гендерной маркировке (Обама – 24%, Клинтон – 25%).

Частотность употребления глаголов в пассивном залоге, однако, в большей степени присуща речи Клинтон (Клинтон – 14%, Обама – 6,5%). Примечательно, что в речи Б.Обамы встречается большее количество прилагательных. Возможно, данное обстоятельство связано не столько с гендерными, сколько с личностными предпочтениями коммуниканта.

Что касается лексического уровня, то, опираясь на изученный ранее материал (женщины чаще употребляют «модные» слова, клише и книжные слова, тогда как мужчины склонны к использованию неологизмов, жаргонизмов, профессионализмов и терминов), можно было ожидать наличие явных различий в данной сфере по указанным параметрам. Однако анализ эмпирического материала показывает, что разница практически сводится к нулю. В ситуации завоевывания власти женщины политики, достигшие высокого профессионального статуса, как правило, более маскулинны, нежели фемининны. У мужчин же, как отмечает Е.А. Здравомыслова, «отсутствует запрет на эмоциональность, большую душевную открытость» [Здравомыслова, Темкина: 220], что в полной мере было подтверждено на основе анализа речей Б.Обамы.

Таким образом, понятие «богатство словаря», то есть определенный набор употребляемых лексических единиц, также вряд ли может стать значимым гендерно маркированным фактором.

На синтаксическом уровне мы, принимая во внимание гендерные маркеры (для женской речи характерна сочинительная связь, а также наличие большего количества вводных конструкций, инверсий и эллиптических конструкций; речь мужчины изобилует сложноподчиненными предложениями, наблюдается тенденция к использованию повелительного наклонения) проанализировали речи по следующим параметрам: 1) тип синтаксической связи в предложениях; 2) типы предложений по цели высказывания.

Анализ предпочтений в выборе синтаксической связи в предложениях не развел Х.Клинтон и Б.Обаму по противоположным полюсам. В исследуемых предвыборных речах примерно в равном соотношении используется как сочинительная, так и подчинительная связи, с явным преимуществом последней у обоих кандидатов. Однако количество простых предложений, а также частотность употребления восклицательных и вопросительных предложений превалирует в речи Х.Клинтон.

Мы полагаем, что стилистический уровень языка в отношении гендерной отнесенности не представляет собой особой значимости в силу того, что стилистическая наполненность речи определяется рамками ситуации, в которой находится коммуникант. В данном случае целесообразнее говорить об индивидуальных предпочтениях в выборе того или иного приема или фигуры речи в зависимости от индивидуального словоупотребления.

Материал показывает, что в анализируемом нами предвыборном дискурсе наблюдается стирание четких границ между фемининным и маскулинным стилем текстоорождения. Мы пришли к выводу, что гендерные различия на рассматриваемых языковых уровнях не проявляются совсем или проявляются недостаточно ярко. Это дает

нам право утверждать, что ситуация, в которой реализуется коммуникация, в данном случае – предвыборная кампания, накладывает свой отпечаток на гендерную отнесенность исходного текста.

Литература

Здравомыслова Е., Темкина А. Создание гендерной идентичности. // Гендерные исследования. 2000. № 5. С.211-225.

Политически корректные лексические единицы в современном датском языке (на материалах эксперимента и словарных статей и анализа текстов СМИ)

Овчинникова Анна Михайловна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Политическая корректность – это культурно-поведенческая и языковая тенденция, появившаяся в Америке в связи с недовольством африканцев «расизмом английского языка» и требованием его «дерасиализации». Политкорректность родилась и развивалась на базе английского языка, однако постепенно распространилась на другие европейские языки, в частности, на датский язык, в котором свойства этого феномена и появившаяся лексика остаются недостаточно подробно исследованными.

Для выявления политически корректной лексики на базе датского языка мы использовали метод социолингвистического эксперимента, к которому в начале 60-х годов обратились М. В. Панов в России и У. Лабов в США [Беликов, Крысин: 182].

Задача нашего исследования – установление функционирования политически корректной лексики в датском языке, цель – составление списка политкорректных терминов. Наша гипотеза состоит в том, что в датском обществе, одном из самых либеральных и обладающих высоким уровнем общеевропейской толерантности, политическая корректность нашла свое отражение в языке. Методикой проведения эксперимента мы выбрали опосредованную методику опросника. И как частный случай этой методики, методику заканчивая предложения – испытуемый получает некоторое количество прамбул, которые ему нужно закончить первым, что придет в голову. Эксперимент проводился в датскоязычном обществе студентов и преподавателей hшjskole (образовательное учреждение, в которое поступают молодые люди в возрасте 17-20 лет после окончания школы и гимназии), его участниками стали 50 человек в возрасте от 17 до 33 лет.

Участникам был предложен тест с девятью фотографиями, на которых были изображены люди, обозначения которых в языке принадлежат наиболее эвфемизированным областям. Нами были выбраны следующие смысловые сферы и соответствующие типы политической корректности как одни из наиболее употребляемых (мы используем классификацию Л.П. Лобановой) и были найдены определенные рисунки:

- расовая политкорректность: изображения афроамериканца и европейца со светлыми волосами и голубыми глазами;
- социальная политкорректность: человек без определенного места жительства;
- этическая политкорректность: молодой человек, страдающий наркотической зависимостью и мужчина, страдающего алкогольной зависимостью;
- сексуальная политкорректность как подтип гендерной политкорректности: две гомосексуальные пары – две девушки и два молодых человека;
- физическая политкорректность: молодой человек на кресле-коляске и слепой человек.

Напротив каждой фотографии помещался один и тот же ряд предложений с пропусками, которые предлагалось заполнить, глядя на фотографию:

1. Ind i rummet trådte en

2. Shit, ... nede i gården rullede min kæreste i går. (Og takket være denne ... tabte vores hold.)

3. ... gik for vildt til den på dansegulvet i fredags.

4. Imod alle forventninger blev det gruppen med de tre ... som vandt weekendens melodi grand-prix.

5. Ifølge politiets oplysninger blev gårsdagens røveri begået af en gruppe ... (Ifølge politiets oplysninger beskrives vedkommende, som i går smed en håndgranat på Christiania, som ...)

Предложения переводятся следующим образом:

1. В комнату вошел ...

2. (сленг), вчера ... избили моего молодого человека на улице. (Благодаря этому ... наша команда проиграла.)

3. ... здорово зажгли в пятницу на танцполе.

4. Вопреки всем ожиданиям группа из трех ... взяла гран-при на неделе музыки.

5. По политическим причинам ограбление было совершено группой ... (По политическим причинам ... бросил вчера ручную гранату на территорию Кристиании.)

Следовательно, пять предложений были написаны в соответствии с различными функциональными стилями: в первом предложении – нейтральный стиль, второе и третье предложения – разговорный, но с разными оценками – положительной и отрицательной, четвертое и пятое предложения – письменный стиль, также с положительной и отрицательной оценкой.

Далее приводим самые распространенные среди опрашиваемых ответы с пометами из авторитетного датско-датского словаря Den danske ordbog:

Афроамериканец: *en neger* (негр, пренебрежительное), *sort* (черный, более нейтральное, чем *neger*), *en indvandrer* (иммигрант).

Анализ ответов к изображению европейца показал, что эта сфера одна из наименее эвфемизированных в датском языке.

Страдающий наркотической зависимостью: *en narkoman* (наркоман), *en junkie* или *junker* (наркоман, синоним *narkoman*).

Слепой человек - *en blind* (слепой). Среди ответов респондентов был найден один более политкорректный – *svagtseende* (слабовидящий).

Молодой человек в инвалидном кресле: *handikappet* (инвалид), *mand i kuurestol/rullestol* (мужчина в инвалидном кресле).

Молодые люди нетрадиционной сексуальной ориентации: *busse*, наиболее нейтральный синоним – *homoseksuel* (его варианты – *homoseksualist* и *homoseksuel tænd*).

Девушки нетрадиционной сексуальной ориентации: *lesbisk pige/kvinde* (дословно, лесбийская девушка/женщина, нейтральное обозначение).

Мужчина с бокалом алкогольного напитка: *en alkoholiker* (алкоголик, разговорное), *en drunker* (пьяница, просторечное).

Мужчина без определенного места жительства: *en hjemløs* (бездомный, нейтральное), *en vagabond* (бродяга, сниженное), *en bums* (бомж, сниженное).

Таким образом, выдвинутая гипотеза о существовании феномена политической корректности в речи датской молодежи не была подтверждена, однако можно говорить о наличии некоторого числа эвфемизмов как способе формирования политкорректных терминов.

Литература

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2001.

Лобанова Л.П. Новый стиль речи и культура поколения: политическая корректность. М., 2004.

Den danske ordbog: <http://ordnet.dk/ddo>

Деловая документация как средство коммуникации между клиентом и банком

Парусова Анна Михайловна

*Студентка Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова,
Кострома, Россия*

В настоящее время в Российской Федерации активно разрабатывается и реализуется программа борьбы с финансовой неграмотностью населения. Опыт мирового финансового кризиса наглядно доказал, что население России и мира в целом не способно адекватно принимать грамотные финансовые решения. Согласно данным, приведенным в Концепции национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения, россияне испытывают значительные трудности в управлении личными финансами. Особенно это касается вопросов кредитования и страхования. Среди причин, вызвавших это, помимо недостаточности базовых финансовых знаний и навыков, можно отметить сложность и бюрократичность языка официальных документов. На наш взгляд, корректировка стиля написания деловых бумаг во многом могла бы оказать помощь на пути финансового просвещения населения.

Российская практика делопроизводства строго регламентирована Государственными стандартами, в которых указаны ключевые характеристики документов, в том числе и их лексическая наполняемость. Однако в практике российского делопроизводства уделяется крайне мало внимания вопросам, касающимся легкости чтения и восприятия документа. Контент-анализ кредитного договора одного из российских банков выявил следующие его недостатки: чрезмерно распространенные предложения, использование большого числа придаточных предложений, использование инфинитивных и глагольных конструкций, несущих негативную коннотацию, широкое обращение к пассивным конструкциям.

Обращение к западным руководствам по делопроизводству, в частности к концепции Plain language позволило выявить следующие особенности деловых бумаг: отсутствие узкоспециализированной лексики и профессионального жаргона, приоритет простых предложений над сложноподчиненными, использование активного залога и личных местоимений первого и второго лица единственного и множественного числа. Особо стоит отметить такой показатель как длина предложения. Во многих руководствах по делопроизводству отмечается, что длина предложения не должна превышать 25 слов [Joice: 14].

Важно отметить, что одной из ключевых особенностей банковского договора как деловой бумаги является то, что ее основным потребителем является человек, который, как правило, не имеет специального образования. В тоже время банковский договор, а в частности кредитный договор, подразумевает долгосрочные отношения с банком, поэтому тщательно составленный текст договора может сэкономить время не только при прочтении и первичном ознакомлении потребителя с банковской услугой, но и уменьшить судебные издержки банков. В качестве одного из критериев контроля, а в тоже время и способов совершенствования качества языкового наполнения кредитного договора можно назвать читабельность, которая определяется как степень легкости или сложности восприятия текста для читателя, который знакомится с ним с определенной целью. Профессор Делаверского университета Джон Пикульски подчеркивает, что наиболее важной чертой читабельности текста как понятия является то, оно отражает интерактивную природу конструкций. Именно характеристика читабельности как элемента интерактивности, коммуникации является приоритетной при разработке критериев читабельности текстов [J.Pikulski: 1].

Статистический анализ и контент-анализ текстов договоров на открытие и обслуживание кредитной карты двух крупнейших эмитентов США (Bank-fund Stuff Federal Credit Union и GTE Federal Credit Union) позволил выделить следующие критерии читаемости:

1. Отсутствие терминологической лексики или ее минимальная встречаемость в тексте.

2. Использование личных местоимений единственного и множественного числа первого и второго лица. Это позволяет добиться интерактивности. Кроме того, использование местоимений вместе с употреблением коннекторов (сначала, затем, и.т.д.) при описании процесса финансовых расчетов позволяет свести к минимуму спорные вопросы. Использование такого приема позволяет синхронизировать текст с работой мозга, так как читатель начинает подсознательно следовать рассуждениям.

3. Длина предложения не должна превышать 20-25 слов. То есть речь идет об использовании либо простых предложений, либо сложноподчиненных с одним придаточным. Данный критерий сводит на нет двойственность толкования того или иного положения и облегчает процесс восприятия текста. Кроме того, этот критерий является экономически обусловленным для обеих сторон. Для потребителя ясность текста снижает вероятность обращения к юристу, а для банка уменьшает риск судебных издержек.

4. Преобладание активных конструкций над пассивными. Пассивные конструкции сложны для чтения как с лингвистической, так и с психологической точки зрения. С точки зрения психологии, пассивные конструкции воспринимаются дольше, так как мозг человека затрачивает дополнительное время на трансформацию пассивной конструкции в активную. С точки зрения языка, пассивные конструкции достаточно сложны и специфичны в образовании.

5. Уместное использование модальных глаголов со значением обязанности. Их неумелое использование может вызвать ощущение принуждения при чтении документа.

Таким образом, выявленные критерии читаемости позволяют составлять банковские документы таким образом, что они доступны для восприятия людям с разным социальным положением. Для потребителя это означает уверенность в принимаемом решении, а для банков это, прежде всего, снижение риска понести судебные издержки, расширение клиентской базы и, как основной итог, максимизация прибыли.

Литература

Joice C. Maykut. Plain language style guide. British Columbia securities commission, 2002.
Pikulski J. John. Readability // <http://www.eduplace.com/state/author/pikulski.htm>.

Манипулятивно нагруженные термины в текстах официальных документов

Подольская Валерия Викторовна

*Студентка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Проблема употребления манипулятивно нагруженных терминов в официальных текстах становится все более актуальной не только для текстов СМИ, но в последнее время и для текстов международных документов. В частности, такие термины возникают в международных юридических документах, хотя на основании именно таких документов принимаются решения о начале вторжения на территорию государства или о заключении мира. Такие термины не имеют четкой словарной дефиниции, это слова, употребляющиеся не в своём основном значении, но в том, которое было приобретено в результате частого словоупотребления и слово получило таким образом новый смысл, иногда и эмоционально-оценочный.

Такие термины имеют несколько названий: «*абстрактные денотативно свободные слова*» - «лексические единицы, внутренняя форма которых значительно отделилась от прямого номинативного значения, а доминирующим значением стало эмоционально-оценочное» [Данилова: 103]. С.Г. Кара-Мурза называет такого рода слова «*словами-«амёбами»*», Л. Витгенштейн называет их «*идолы толпы*». Кара-Мурза в книге

«Манипуляция сознанием» говорит о двух возникших языках: о «*туземном*» языке, который изначально был у данного народа, в ходе личного общения людей и «*правильном*», который создаётся обществом и является языком радио, телевидения, газет, это язык, «превращённый в капитал». «*Правильный*» язык – это «поток слов, направленных на определённую группу людей с целью убедить её в чём-либо» [Карамурза: 82]. Таким образом, люди, говорящие на «*правильном*» языке, легко становятся объектами манипуляции. Такой язык состоит из «слов-амёб», которые настолько абстрактны, что могут быть помещены почти в любой контекст. Это такие слова, как «свобода», «прогресс», «демократия» и др. У слов-амёб почти нет содержания при всей широте контекстов, в которых можно их употребить, и они быстро становятся интернациональными словами. В.П. Шейнов писал о многозначности высказываний как о психологическом приёме, позволяющем придать разный смысл одному и тому же слову, многозначность понимается как основа юмористических и сатирических приёмов.

Поэтому представляется правомерным рассмотрение ряда резолюций, принятых Советом Безопасности ООН, все рассмотренные резолюции относятся к периоду времени с 1985 по 2003 годы, главным образом внимание уделялось резолюциям по Ираку. Исследование текстов показало, что одним из частых приемов манипулирования являются эвфемизмы, в данном случае – словосочетания с компонентом «гуманитарный».

Термин «*гуманитарный*» поэтому также представляется возможным отнести к абстрактным денотативно свободным словам, и хотя в ряде случаев термин употребляется в значении, закреплённом в словарях, в большинстве контекстов словоупотребление не зафиксировано и не поясняется при употреблении. Ссылка на предыдущее словоупотребление в официальных документах должна присутствовать. Так, в своём пособии Г.Ю. Касьянова [Касьянова: 29] пишет, что в юридических договорах документ имеет юридическую силу при соблюдении этого условия: предмет договора всегда указывается и в дальнейшем получает название, на которое и ссылаются («заказчик», «товар»). В таком случае эти наименования не абстрактны, так как ясно, что вкладывается в них, что под ними подразумевается.

Всего в текстах резолюций встречается порядка 40 употреблений лексики «*гуманитарный*» и не всегда возможно установить, что именно словосочетание значит в данном контексте. В самом Уставе ООН или в текстах резолюций с 1985 года по 2003 год определения этого термина не даётся.

Примеры таких словоупотреблений были поделены на две группы: 1) слова, которые употребляются в значении, закреплённом в словарях, и 2) слова, которые употребляются в значении, не закреплённом в словарях.

Лексема «*гуманитарный*» появляется впервые в резолюции №519 1982 года, где говорится о необходимости восстановления «мира и власти правительства Ливана на своей территории Ливана» и используется термин «гуманитарная область», при этом в других контекстах данное словосочетание больше не встречается и не даётся его определения: «[Совет Безопасности] «уполномочивает Силы в течение этого периода продолжать осуществлять дополнительно временные задачи в гуманитарной и административной областях, возложенные на них в пункте 2 резолюции 511 (1982)» (резолюция 519(1982) 17 августа 1982 года)».

Впоследствии наиболее часто встречающимся словосочетанием является словосочетание «гуманитарная помощь», оно одно из немногих, которые имеют словарное определение и входят в первую группу. К этой же группе можно отнести «гуманитарный груз», иногда употребляющийся также как «гуманитарные товары».

Ко второй группе, куда входят слова, использующиеся в значении, которое не зафиксировано в словарях, относятся большинство словосочетаний, имеющих в своём составе «гуманитарный». К примеру, когда говорится о «гуманитарной ситуации», в

тексте постулируется её факт, но не сообщается, в чём именно она состоит: «[Совет Безопасности] сознавая, что трагическая чрезвычайная гуманитарная ситуация уже существует в Сребренице и в прилегающих к ней районах как прямое следствие жестоких действий боснийских сербских военизированных формирований, вызвавших крупномасштабное перемещение гражданских лиц, в частности женщин, детей и стариков...» (резолюция 819 (1993) от 16 апреля 1993 года).

Таким образом, у термина «гуманитарный» возможно около 40 словоупотреблений, но лишь меньшая часть из них употребляется в соответствии со своим словарным значением, а большую часть, несмотря на то что это официальные документы, санкционирующие начало военных действий или установление мира, можно назвать терминами без значения, т.е. такими, которые не могут быть истолкованы с помощью словаря.

Литература

- Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2009.
Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.
Касьянова Г.Ю. 1000 и один договор. М., 2010.

Семантические характеристики аббревиатур в политическом дискурсе

Романова Любомира Григорьевна

Аспирант Иркутского государственного лингвистического университета,
Иркутск, Россия

Во многих работах, посвященных исследованию сокращенных слов, ученые акцентировали свое внимание именно на их необычной и разнообразной структуре, однако не менее значимым представляется и исследование семантики аббревиатур, поскольку «каждое изменение формы слова неизбежно влечет за собой изменение содержания этого слова» [Гальперин: 90].

Мы предлагаем рассмотреть семантические характеристики аббревиатур, разделив их по типам словообразовательных процессов [Кубрякова: 25].

А) Аналогическое словообразование. Создание сокращения происходит по аналогии уже существующей (ранее созданной) аббревиатуры, выступающей в роли прототипа. Например, в русской политической речи часто встречаются телескопные слова, первая часть которых является усечением от следующих слов: политический: *политсовет, политкомментатор, политсистема, политсилы, политтехнологи, политбюро*; государственный: *госфинансирование, господдержка, госдепартамент, госслужба*.

Подобные усечения, в силу своей продуктивности и одновременно информативности, получают статус полупрефиксов. Данный тип основывается на существовании некой модели, по подобию ее структуры создаются новые аббревиатуры, получающие кроме общности морфологической структуры также и общее значение. Усечение как словообразовательный формант указывает на отношение. Так, ряд существительных, образованных при помощи сокращения от прилагательного политический имеют значение ‘относящийся к политике’, государственный – ‘относящийся к государству’, данные значения выступают не как конкретные лексические значения этих слов, а общие значения модели.

К этому типу также относится сокращенное именование членов партии «Единая Россия» > *единороссы*, по аналогии с которым и члены «Справедливой России» стали именоваться *справороссами*, где усечение ‘росс’ показывает отношение к России.

Во французской политической речи наряду с сокращением *Sarco* (Sarcozy) употребляется и *Sÿgo* (Sÿgoline Royal), усечение на ‘-о’, характерное для разговорной речи, придает данному ряду экспрессивность.

Б) Корреляционное словообразование, к которому мы относим парные случаи употребления аббревиатур со своими исходными единицами. Часто исходное слово (словосочетание) предворяет производное. Это тот случай, когда семантика аббревиатуры предвосхищается его полным коррелятом: *L'Association suisse pour le conseil des communes et régions d'Europe (ASCCRE) recense actuellement 463 projets de coopération européens... explique Rose-Marie Koch, de l'ASCCRE...*

В этом случае развернутое словосочетание носит объяснительный характер и предназначается для тех адресатов, для которых данные аббревиатуры не содержат какую-либо информативность.

В) Дефиниционное словообразование отсылает непосредственно к созданию инициальных аббревиатур и телескопов, которые проходят «путь от знака-сообщения к знаку наименованию» [Кубрякова: 36]. По мере того как новая аббревиатура становится общепринятой или довольно известной, чтобы употребляться без своего коррелята, ее значение в сознании обычного носителя языка также изменяется, а именно, привязывается конкретно к какому-нибудь семантическому компоненту исходного слова. Так, ряд аббревиатур во французском языке: *CFDT, FO, Unsa, CFE-CGC, CFTC* используются в значении 'les syndicats'. В русском политическом дискурсе акроним *НАТО* (от англ. North Atlantic Treaty Organization – Организация Североатлантического договора, в которую, кроме США, входят и ряд других стран) нередко употребляется в качестве синонима США.

В большинстве случаев, когда в сознании людей хранится только сокращенная форма, происходит семантический сдвиг: например, значение соотносится с каким-то одним компонентом словосочетания, которые представляет собой некий смысловой центр. Это позволяет говорить о том, что изначально созданные как варианты исходного словосочетания и повторяющие их значения, аббревиатуры с течением времени обособляются от них, получая семантическое развитие и оставаясь единственным наименованием.

Анализ материала показывает, что между исходным словом (словосочетанием) и аббревиатурой обнаруживаются следующие различия в семантике:

- расширение значения посредством переноса наименования с помощью метонимии и метафоры. Сокращения названий организаций, партий, объединений могут приобретать два значения. Они обозначают, во-первых, саму организацию, во-вторых, члена этой организации: *UMP* – 1) *Union pour un Mouvement Populaire*; 2) *membre de ce parti*. Расширение значения происходит также в результате дополнительной «расшифровки» общепринятой аббревиатуры, этот процесс принято называть «дезаббревиацией». Например, *ЖКХ* > *Живи Как Хочешь*; *РАТР* > *Reste Assis T'es Payé* или *Rentre Avec Tes Pieds*;

- сужение значения. Многозначные слова в результате усечения сохраняют только одно значение. Это объясняется тем, что изначально усечения образуются для социально или профессионально ограниченного круга людей и, соответственно, за ними закрепляется то значение, которое значимо и более употребительно для определенной группы: *manif* < *manifestation*.

- иная предметная соотнесенность. В целях придания привлекательности, запоминаемости образуются акронимы – омонимы существующих слов, но не имеющие ничего общего по своему содержанию: название партии *Яблоко*; *Миф* (*Московский инвестиционный фонд*).

Таким образом, мы видим, что не всегда возможно поставить знак равенства между значением исходного слова (словосочетания) и его аббревиатурой. Кроме того, аббревиатуры, в отличие от своих исходных единиц, обладают другой функциональной ценностью, которую можно раскрыть в контексте их употребления.

Литература

Гальперин И. Р. Избранные труды. М., 2005.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.

Тенденция языковых средств к полиоценочности в дискурсе СМИ (на примере фразеологизмов семантической оппозиции «сила» vs. «слабость»)

Савельева Анна Алексеевна

Аспирантка Московского государственного университета печати им. И. Федорова,
Москва, Россия

Выделение дискурса СМИ в самостоятельный тип, главным образом, на основе его коммуникативной цели (стремления адресанта воздействовать на реципиента с помощью палитры оценочных средств), позволяет говорить о его намерении сформировать аксиологическую модель современного общества.

Общественно-политическая направленность дискурса СМИ подразумевает отражение расстановки сил и приоритетов, которая осуществляется в речевой практике в том числе посредством фразеологизмов семантической оппозиции «сила» vs. «слабость»: <подпрыгивать> *изо всех сил — еле-еле душа в теле, пуститься во все тяжкие — не в силах, не на шутку* <расстроены> — *чихать хотели, <защищать> с пеной у рта — руки опускаются, до последней капли — сойти на нет, закрутить гайки — плясать под дудку, большая <важная, крупная> шишка — мелкая сошка.*

Однако речевая практика демонстрирует нарушение оппозиционных отношений в аксиологической фразеологической диаде «сила-слабость», где один блок не может быть связан только с ценностями, а другой — с антиценностями [1].

Так, в семантическом поле «Сила» одновременно существуют фразеологизмы с положительной оценкой, например, *бить через край* — «бурно, с неистощимой силой проявляться; говорится с одобрением» [БФСРЯ 2006: 39], и фразеологизмы с отрицательной оценочной семантикой типа *брать/взять <хватать/схватить> за горло* — «заставлять, принуждать делать что-л. нежелательное, подчинить своей воле; говорится с неодобрением» [БФСРЯ 2006: 54].

Таким образом, фразеологизмы со значением «сила» и «слабость», составляя семантическую оппозицию в сигнификативном плане, не представляют ее в плане оценочном. Способность обоих блоков выражать разнополярную оценку свидетельствует о **полиоценочности** фразеологических единиц. Эта тенденция приобретает особую актуальность в условиях глобализации оценочных воздействий в СМИ.

Во-первых, полиоценочность проявляется при **выражении разной степени оценки одного знака**. Определяющую роль при этом играет объект оценки.

(1) «Известно, что пьеса [«Счастливые дни» Сэмюэла Беккета] представляет, по сути, монолог женщины, не то спасшейся со своим мужем Вилли (Юрий Румянцев) от атомной катастрофы, не то доживающей последние дни на семейном ранчо. Груз прожитой жизни пригибает её к земле, не даёт вознестись. Монолог от лица Винни, отчаянно молодящейся дамы в белой блузке в горошек с бантом и губками-бантиками, ведёт Вера Алентова...

Зажатая в тисках, она проживает перед зрителями целую вечность, вспоминая вереницу «счастливых дней»» (ЛГ, №7-8, 2006).

(2) «А господство нужно, потому что у нас нет единого органа, который бы занимался селекцией в общероссийском масштабе и из-за тяжёлого положения сельхозпроизводителей. Они **зажаты в тиски**: с одной стороны, постоянное повышение цен на горюче-смазочные материалы, энергоносители, корма, с другой -

мясокомбинаты и молокозаводы, которые диктуют закупочные цены и вынуждают продавать мясо и молоко фактически по себестоимости» (АиФ, №46, 2009).

В обоих примерах приводится фразеологизм *зажать в тисках* («стеснить в чем-л.; помешать свободному проявлению, развитию; подавить» [СРЯ: т.1: 519]) употребляется в страдательном залоге, а потому представляет семантическое поле «Слабость» и выражает отрицательную оценку. Только в одном случае речь идет о жизни отдельно взятого человека, фразеологизм обладает семантикой «плохо», а в другом – об общественно-политической жизни государства, что обуславливает крайнюю позицию фразеологизма в отрицательной зоне шкалы оценки («очень плохо»).

Во-вторых, полиоценочность подразумевает **выражение фразеологизмом противоположных оценочных значений**. «Способность слова иметь противоположные, антонимические значения получила название поляризации значений, или **знантиосемии**» [Новиков 2001: 227].

Например, оборот *пересчитать по пальцам*, составляющий периферию семантического поля «Слабость» (ср. «пересчитать по пальцам — о небольшом количестве кого-, чего-н.» [Тихонов 2004: т. 2: 58] и «слабый — малый, незначительный, недостаточный; плохой» [СРЯ: т. 4: 128]), в разных контекстах при разных объектах оценки способен выражать как значение «довольно плохо» (1), так и значение «хорошо» (2):

(1) «Пересказывать книгу не стоит. Хочется, чтобы читали не про неё, а её саму, потому что она по-настоящему добрая, смешная и живая — уже с первой страницы <...> Единственный недостаток «Приключений маленькой волшебницы» — нераскрученность.

Только не думайте, что такие книги можно *пересчитать по пальцам* — они были, есть и будут» (ЛГ, №9, 2006).

(2) « «АиФ»: — Простите, а люди эмигрировали из страны просто от «хорошей жизни»? А как же диссиденты, которых советская власть притесняла, — Солженицын, Синявский с Розановой, Довлатов?

Ю. П.: — В эмиграции оказывались люди в основном по национальному признаку. Диссидентов же можно *пересчитать по пальцам двух рук* (АиФ, №46, 2009).

В-третьих, полиоценочность связана с **преображением семантики, ведущим к смене оппозиционного семантического поля**.

Конечно, наши губернаторы много работают. И им не позавидуешь: работа тонкая, сложная и нервная. Они *из кожи лезут*, решая государственные проблемы, а народ у них под носом марширует с козликами на веревочках» (Аргументы недели, №27, 2010).

Сема «чрезмерный» («*Имеется в виду, что* лицо или группа лиц, в случае олицетворения – государство, страна и т.п. стремится к достижению цели, прилагая к этому чрезмерные усилия» [БФСРЯ 2006: 268]) вносит в семантику оборота *из кожи лезть* («стараться изо всех сил, усердствовать» [Тихонов 2004: т. 1: 503]) отрицательную коннотацию («*Говорится с неодобрением*» [там же]) и контекстуально реализует семантическое поле «Слабость».

На основании исследуемого материала можно выделить целый ряд **факторов**, обуславливающих тенденцию полиоценочности фразеологизмов семантической оппозиции «сила» vs. «слабость» в дискурсе СМИ. К таковым следует отнести: **когнитивную базу** носителя языка, **оценочную асимметрию**, **иронию**, **«карнавализацию»** языка СМИ, проявляющуюся в частности в **языковой игре** и основанной на свойстве **прецедентности** фразеологизмов.

Таким образом, возникшая вследствие нарушения оппозиционных отношений в аксиологической фразеологической диаде и обусловленная рядом факторов,

полиэночность составляет отличительную черту аксиологической модели современного российского общества, сформированной благодаря дискурсу СМИ.

Литература

Байрамова Л.К. Аксиологизм человеческих эмоций (смех-плач) и его отражение в языке // Л.К. Байрамова, Г.А. Багаутдинова // Филологические науки. 2006. №1. С. 81-89.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006. (БФСРЯ)

Новиков Л.А. Избранные труды. Т. 1. Проблемы языкового значения. М., 2001.

Словарь русского языка: в 4 т. М. 1999. (СРЯ)

Тихонов А.Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 тт. М., 2004.